

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ДЖАДИДИЗМА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. Г. ВАХАБОВ

Известно, что зародившееся в Средней Азии в период 1905—1907 гг. буржуазно-националистическое течение, вошедшее в историю под названием джадидизма, было в своей основе реакционным и играло антинародную роль. Однако в последние годы в республиках Средней Азии делались попытки пересмотреть оценку джадидизма и объявить его прогрессивным течением, или, по крайней мере, искусственно выделить в нем правое и левое крыло¹.

На наш взгляд, такие попытки были порождены в первую очередь слабой разработанностью вопроса о происхождении джадидизма, его природе, об особенностях его в разных районах и эволюции в различные исторические периоды. Причиной большой путаницы в этих вопросах отчасти является смешение бытовавшего в дореволюционное время именованя «джадид» с понятием джадидизма как идейно-политического течения. Такое смешение и вызывало попытки обелить задним числом джадидизм.

Новые попытки пересмотреть оценку джадидизма объясняются тем, что в недавнем прошлом были реабилитированы многие лица, причисленные в условиях культа личности к джадидам, а также тем, что в ряде стран Востока, добившихся независимости, национальная буржуазия оказалась во главе народного движения и играет относительно прогрессивную роль. Некоторые исследователи толковали реабилитацию упомянутых лиц, как оправдание их националистических ошибок, допущенных до революции и в первые годы Советской власти, или же без учета обстановки ставили знак равенства между джадидами и буржуазными националистическими партиями отдельных освободившихся от колониализма стран.

Хотя ныне в республиках Средней Азии оценка джадидизма как буржуазно-националистического течения признается большинством исследователей, однако отсутствуют работы, подробно освещающие свое-

От редакции: публикуя статью директора Института истории Компартии Узбекистана М. Г. Вахабова, редакция считает целесообразным обсудить на страницах журнала поднятые автором вопросы о социальной природе и эволюции джадидизма. Редакция приглашает историков высказаться по этим вопросам.

¹ «Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Социал-демократические организации Туркестана в дооктябрьский период (1903 — март 1917)», Ташкент, 1958, стр. 95—96; М. Рахманов. Хамза Хаким-заде Ниёзи ва узбек совет театри (Хамза Хаким-заде Ниязи и узбекский советский театр), Ташкент, 1959, 70—99; Иззат Султанов. Пьесалар, маколалар. (Пьесы, статьи), Ташкент, 1959, стр. 298—299; М. Иулдашев. Узбекистан Компартиясининг тарихага доир. (К истории Компартии Узбекистана), «Кизил Узбекистон», 17 июня 1959 г.

образе условий зарождения джадидизма, его социальную природу, антинациональную роль в истории народов Средней Азии.

В данной статье делается попытка в основных чертах осветить некоторые вопросы истории формирования и эволюции джадидизма как идейно-политического течения в Средней Азии.

1 УСЛОВИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ДЖАДИДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Средней Азии люди, именовавшие себя джадидами, появились еще задолго до формирования джадидизма как идейно-политического течения. Арабское слово «джадид» означает «новый». Распространение его было связано с появлением так называемой новометодной школы (мактаби усули джадид), в которой в отличие от старой конфессиональной школы, где обучение грамоте осуществлялось путем зазубривания отдельных сур корана, детей обучали грамоте по звуковому методу, как это делается в основном и сейчас.

Стремление к реформе метода обучения в школах в мусульманских странах наблюдалось еще в прошлом веке. Во второй половине XIX в. такие школы появились в Крыму и Поволжье среди татар, в Азербайджане, а в 90-х годах — в городах Туркестана. В этот период всех, кто организовал подобные школы или был их сторонником, называли джадидами. В дальнейшем тенденция к нововведениям не ограничилась одной только реформой обучения, а охватила также области художественной литературы, искусства и быта. Хотя сторонники нововведений именовали себя джадидами, но по существу они коренным образом отличались от тех джадидов, которые позже выступали выразителями интересов зарождающейся национальной буржуазии и представителями идейно-политического течения, сформировавшегося в период революции 1905—1907 гг.

До последнего времени между ними не проводилось разграничения. Тех и других именовали джадидами, причем обычно первых называли ранними или левыми джадидами, а вторых — поздними или правыми джадидами. При такой интерпретации терминов «джадид» и «джадидизм» последний превращается в некое надклассовое течение.

Во избежание путаницы мы считаем целесообразным термином «джадидизм» называть то идейно-политическое и буржуазно-националистическое течение, которое формировалось в начале XX в., а термином «джадид» — представителей этого течения. Что касается так называемых «ранних» или «левых» джадидов, то их следует, как нам кажется, называть просветителями.

В условиях Средней Азии формирование просветительства исторически предшествовало формированию джадидизма, а с зарождением последнего просветительство существовало и развивалось параллельно с ним. Это обстоятельство не учитывалось отдельными авторами, в силу чего они многих деятелей, выступивших выразителями интересов трудящихся и по существу являвшихся просветителями, называли «ранними» и «левыми» джадидами, тем самым сделали их идеологами национальной буржуазии. А само просветительство в их толковании превратилось в общедемократическое содержание буржуазного национализма, направленного против угнетения. При этом они ссылаются на указание Ленина о том, что «в *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения»². Таким образом, творчество таких азербайджанских деятелей, как Ахундов и Сабир, татарских — К. Насири и А. Тукая, казахских — Чокана Валиханова, Ибрая Алтинсарина, Абая Кунанбаева, узбекских — Фурката, Мукими, Завки и Хамзы, таджикских — А. Дониша и Садриддина Айни, является якобы отражением демократического содержания со-

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 384.

ответствующего буржуазного национализма. На самом деле эти деятели и их последователи боролись не только против колониального гнета, но и против угнетения «собственных» баев, манапов и позже против зарождающейся национальной буржуазии. Говоря об общедемократическом содержании буржуазного национализма угнетенной нации, В. И. Ленин имел в виду стремление национальной буржуазии к национальному возрождению и независимости, которое в противовес пропаганде национальной исключительности местной буржуазии представляет собой демократическое явление. Что касается творчества упомянутых выше деятелей, то оно отражало интересы не буржуазии, а народных масс.

Формированию просветительства в Средней Азии способствовали прогрессивные последствия присоединения ее к России. Присоединение усилило сближение народов Туркестана с народами России, молодой рабочий класс которой шел в первых рядах революционного мирового пролетариата.

С присоединением Средней Азии к России в жизни края произошли серьезные изменения. В старых городах Туркестана появились новые русские районы — новые не только по своему внешнему облику, но и по социальному составу и укладу хозяйства. Кроме того, возникли совершенно новые города: Каган, Термез, Хорог (на Памире), Петроалександровск (в Каракалпакии), Красноводск (в Закаспии) и др. Основное население новых городов составляли русские. Согласно административной переписи 1905—1907 гг. во всех пяти областях Туркестанского края количество русского населения достигло 383 644 человек³, из них 68,4% составляли рабочие-железнодорожники, трудовые слои крестьян-переселенцев, ремесленники и другие группы русских трудящихся.

Большую роль в культурном пробуждении народов края играла передовая русская интеллигенция. Уже в 70—80-х годах сюда прибыли крупные русские географы, геологи, естествоиспытатели: П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский. Значительную роль в собирании и обобщении материалов по истории и культуре народов Средней Азии сыграли В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский и их сподвижники. Здесь были такие демократически настроенные люди, как Герман Лопатин, автор романа «В новом краю» Ильин, разоблачивший колониальную политику царизма, и другие. Через передовых, прогрессивных ученых в Туркестан проникли ценные научные и художественные произведения, созданные в России и странах Европы. Важным событием в культурной жизни края было издание в Ташкенте, Самарканде, а впоследствии и в других городах газет, журналов и появление книгопечатания. Большое историческое значение имело создание светской школы и медицинских учреждений, способствовавших повышению уровня общей и санитарной культуры народа.

В облике городов колониального Туркестана ярко отражались основные социальные противоречия царской России. В Среднюю Азию проникали не только колонизаторские порядки и помещичье-буржуазное угнетение, антинародная великодержавно-шовинистическая идеология русских помещиков и реакционной буржуазии, но и прогрессивная демократическая культура великого русского народа. Наряду с полицейскими участками, тюрьмами, церквями, банками и торговыми биржами, появились библиотеки, светские школы, театры, кино, гимназии, больницы, аптеки и т. д. В такой обстановке формируется просветительство и позже джадидизм как два противоположные идейно-политические течения, отражающие интересы различных классов.

³ К. П. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, таблицы, СПб., 1911, стр. 22—31.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА И ДЖАДИДИЗМА

Духовное пробуждение народов колониальных восточных окраин Российской империи под влиянием передовой русской культуры явилось прочной базой возникновения просветительства среди узбеков, казахов, туркмен, таджиков, киргизов и каракалпаков.

Зарождение просветительства среди народов колониальных окраин России в XIX в. было общим явлением, ибо почти все они, с одной стороны, в разной степени и с различными особенностями переживали процесс разложения феодальных порядков, зарождения буржуазных отношений, усиления самодержавно-капиталистического и национально-колониального угнетения трудящихся, а с другой — все они приобщались к прогрессивной культуре великого русского народа, и их передовые представители испытывали благотворное влияние русских революционных демократов.

В первый период все просветители вели пропаганду за сближение с русским народом, призывали к овладению его культурой и языком. В лице русского народа они видели самого близкого друга; его передовую культуру считали неиссякаемым источником для прогресса и культурного расцвета своего народа, русский язык — мощным средством приобщения народа к сокровищам русской демократической и прогрессивной мировой культуры. Все они в разной степени и в разной форме установили связь с передовыми русскими писателями, учеными и прогрессивной интеллигенцией.

Под влиянием пропаганды, например, первых узбекских просветителей уже в 90-х годах прошлого века появляются курсы по изучению русского языка, представители местной интеллигенции начинают его изучать индивидуально и у частных учителей. Все более широкую популярность завоевывает русско-туземная школа, инициаторами создания которой были прогрессивные русские учителя. В 1895 г. русско-туземных школ на территории, соответствующей нынешнему Узбекистану, было 16. Накануне первой мировой войны их уже насчитывалось около 50. Количество учащихся увеличилось с 350 до 2100 человек. Посещаемость в мактабах составляла около 50%, а в школах — не менее 88%, что свидетельствовало об их популярности. Наряду с русско-туземными школами в Туркестане появились и новометодные школы, которые уже существовали в Крыму и Поволжье. Первая такая школа была открыта в 1889 г. в Андижане при хлопкозаводе по инициативе его владельца. В течение 10—15 лет они возникли почти во всех городах и крупных кишлаках Туркестана⁴. Новометодная школа привлекала народ тем, что сравнительно быстро давала ученикам навыки чтения и письма. Срок обучения грамоте значительно сократился. Хотя нововведение пока практически касалось только метода обучения, но по существу оно выражало стремление к преобразованиям в культуре и быту местного населения под влиянием передовой русской культуры.

Один из сторонников нового метода обучения ташкентский учитель Абдурасулов составил первый букварь «Устоди аввал» («Начальное обучение») на узбекском языке применительно к звуковому методу обучения. Первое издание его вышло в 1900 г. В дальнейшем букварь выдержал 17 изданий. Стремление народа к светскому образованию, тяга к культуре быстро росли. Это стремление в значительной мере объясняется также пропагандой, которую вели просветители.

Формирование просветительства среди народов Туркестана происходило не на пустом месте. В Средней Азии в средних веках в противовес феодально-клерикальной и дворцовой литературе зарождается гумани-

⁴ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1955, стр. 330—333.

стическое течение, которое отражало надежды и чаяния народных масс. Представителями этого течения были в таджикской литературе Рудаки и Джамии, Мушфики и Саиди Насафий, в узбекской литературе — Навои и Турди, Гулхани и Махмур. С обострением противоречий внутри феодального строя в этом течении все более усиливаются социальные мотивы. Если в произведениях Навои и Джамии пропагандировались идеи общей справедливости, а правители призывались к гуманизму и справедливости, то в произведениях Турди, Гулхани, Махмура, Мушфики и Саиди Насафий подвергались резкой критике богачи, ханские чиновники, духовенство. Следовательно, гуманизм в значительной степени приобретал демократический характер. Просветители отличались от гуманистов тем, что, не ограничиваясь пропагандой общей справедливости, пошли дальше. Они выдвигали идеи реформы просвещения, пропаганды русского языка и т. д. Кроме того, наряду с представителями духовенства, купцов и ростовщиков, они критиковали также национальную буржуазию и царских чиновников.

В сатирах Мукими «Новоявленный бай», «Вексель», «Конь», «Сатира на Виктор-бая», «Случай с одноглазым Ашурбаем Хаджи» и др., в серии сатир Завки «Ахлираста» (Обитатели торгового ряда») уничтожающей критике подвергаются представители зарождающейся узбекской буржуазии⁵. В стихах Мукими «Землемеры» и «Мингбаши»⁶ раскрывается бесчеловечное отношение колониальных правителей к народу. В юмористических произведениях Мукими, Завки и других на примере жульничества и обманов Мадали Ишана (Дукча Ишана), пытавшегося поднять народ на газават в 1898 г., разоблачаются реакционные действия духовенства.

Итак, просветители были противниками феодально-клерикальных порядков, пропагандировали современную науку и культуру и — это их главная черта — защищали интересы народных масс, прежде всего интересы крестьянства и ремесленников. Уже до революции 1905—1907 гг. сотни и тысячи молодых людей — сыновья крестьян, ремесленников мелких торговцев, ученики медресе — втянулись в культурную жизнь. Из их среды выходили учителя новометодных школ, организаторы различных кружков, пропагандисты нового светского знания, сторонники реформ быта и семейных отношений, улучшения положения женщин, носители прогрессивных идей. Таким образом, просветительство в Средней Азии с самого начала приняло революционно-демократический оттенок.

Формирование джадидизма в Средней Азии происходило в начале XX в. Как идейно-политическое течение он получил более или менее определенную форму в узбекских и таджикских районах. Что касается казахских, киргизских и туркменских районов, то в силу отсутствия у этих народов письменности джадидские идеи не получили достаточного оформления в литературе, хотя там было немало джадидских деятелей. Для характеристики джадидизма используем главным образом узбекскую джадидскую литературу.

Зарождающаяся национальная буржуазия восточных окраин уже в начале XX в. использовала в своих интересах культурное пробуждение народа. Пытаясь захватить все рычаги идейного воздействия на массы, она приступила к созданию своих аппаратов идеологической борьбы и духовного закабаления народных масс. В результате образовалось идейно-политическое течение, которое в исторической литературе получило название джадидизма.

Джадидизм как националистическая идеология местной буржуазии колониальной Средней Азии, зарождавшаяся в период роста революци-

⁵ С. Мукими. Сборник стихов, Ташкент, 1952, стр. 81—102; Х. Разаков. Завки, Ташкент, 1955, стр. 55—58.

⁶ С. Мукими. Указ. соч., стр. 79—80, 105.

онного рабочего движения, а также массового национально-освободительного движения, был оторван от народных масс и стал союзником царизма и русской буржуазии. Сущность джадидизма ярко выражена в программной статье М. Бехбуди, опубликованной в № 2 газеты «Хуршед» 11 октября 1906 г.

В начале статьи автор констатирует необходимость объединения всех мусульман в одну политическую партию, так, как это сделали, по его словам, русские, евреи и люди других верований. Разделив все существующие в России политические партии на 4 группы: партию бюрократии или монархистов, партию кадетов, партию социалистов (социал-демократов и эсеров) и партию мусульман (которая образовалась в Нижнем Новгороде 23 августа 1905 г.), Бехбуди дает им оценку. Он отрицательно характеризует партию монархистов, считая, что ее политика является причиной экономической и культурной отсталости мусульман в России. По его мнению, если бы не было партии монархистов, царь имел бы возможность непосредственно общаться с народом. Тогда все классы и нации, в том числе мусульмане, получили бы свободу и равенство, неограниченную возможность всестороннего развития. Очень восторженно отзывается Бехбуди о партии кадетов. Эта партия, заявляет он, организуя Думу при царе, создает возможность для непосредственного общения народа с ним. Народ через Думу примет участие в управлении страной.

Касаясь социалистических партий (с.-д. и эсеров), Бехбуди указывает, что они стремятся к ликвидации частной собственности и классов, к обобществлению всех средств производства. Однако, говорит он, их программа утопична. Бехбуди резко выступает против требования ликвидации собственности, противоречащего законам шариата. Клеветнически повторяя буржуазные измышления о том, что социалисты ликвидируют семью, обобществляя женщин, Бехбуди делает вывод, что их линия совершенно не подходит для мусульман.

Особо выделяя партию мусульман, Бехбуди призывает всех мусульман Туркестана объединиться и войти в состав общемусульманского союза. Он указывает, что партия туркестанских мусульман в части экономики, идеологии и науки должна принять программу мусульманского союза, а по вопросам политики — программу кадетов. Согласно решениям съездов мусульманского союза, его экономическая и идеологическая программа базируется на законах шариата. Она строится не по принципу классового деления, а по религиозным признакам. Следовательно, создаваемая партия национальной буржуазии прежде всего рассматривалась как партия единоверцев (мусульман), объединившихся на базе экономических и духовных догм ислама и стремления к созданию конституционной монархии. По этой статье М. Бехбуди сущность джадидизма как **антинародного буржуазного политического течения** совершенно очевидна.

Экономической основой джадидизма явилось превращение среднеазиатского рынка в составную часть единого внутреннего рынка царской России. Проникновение русского и иностранного капитала в Среднюю Азию ускорило зарождение капиталистических отношений. Однако рост капиталистических предприятий (заводов, фабрик), строительство железной дороги, открытие банков и бирж в городах Туркестана происходило на фоне сравнительно устойчивых феодальных отношений в кишлаке. Появление их было главным образом результатом проникновения русского и иностранного капитала.

Например, основное звено народного хозяйства Узбекистана — производство хлопка и хлопкоочистительная промышленность (а через нее и другие отрасли народного хозяйства и торговли) — было сосредоточено в руках русских и иностранных компаний. Они занимались также торговлей мануфактурой, галантерейными изделиями, отчасти хлебом.

Эти компании имели свои хлопкоочистительные заводы. Из 249 хлопкозаводов Туркестана и Бухары русским и иностранным фирмам принадлежали 96⁷. Остальными заводами владели местные предприниматели. Но и они продавали очищенное волокно русским фирмам. Хлопкоочистительные заводы русских и иностранных капиталистов были крупными, оборудованными более современными машинами. В 1911 г. в Туркестане в руках местных баев находилось 109 заводов, а русских фирм — 48. Но предприятия баев были оборудованы 369 джинами, а русских фирм — 339. На один завод в первом случае приходилось 3,4, а во втором — 7,0 джин⁸. Следовательно, основные нити хозяйственной жизни края были в руках русских и иностранных монополий.

В начале XX в. развитие капиталистических отношений в Туркестане достигло заметного уровня, выделилась целая группа местных заводчиков, оптовых торговцев, скупщиков хлопка и т. д. Однако они были в сильной зависимости от русского капитала, выступали посредниками между русской империалистической буржуазией и местными трудящимися, получая огромные прибыли за счет ограбления последних. Таким образом, местная буржуазия от посредничества ничего не потеряла. Наоборот, в лице российской промышленности она имела богатый и широкий рынок, который вне России не был ей доступен. В силу этой зависимости от русского капитала фактически не беспокоила ее. Вот почему среди местной буржуазии и ее идеологов-джадидов идея отторжения Средней Азии от России не была популярна. Когда говорилось о господстве на местном рынке, вытеснении из него «чужих», то больше всего имелись в виду не русские капиталисты, а армянские, еврейские и другие.

Зарождение местной буржуазии происходило в период империализма, когда на историческую арену выступил рабочий класс, создавший смертельную угрозу для существования капитализма не только в метрополии, но и в колониях. Революция 1905—1907 гг. показала, что и Туркестан превратился в арену классовой борьбы пролетариата против господства капитала, что создалась реальная возможность слияния национально-освободительного движения местных трудящихся с социалистическим движением рабочего класса. Это заставляло национальную буржуазию искать политического блока с царизмом и русской буржуазией, что ярко сказалось в призыве Бехбуди к союзу с кадетами для создания в стране системы конституционной монархии. Таким образом, джадидизм формировался как идеология национальной буржуазии, ищущей блока с русской империалистической буржуазией. Указание В. И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна о том, что «между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение», что они совместно борются «против всех революционных движений»⁹, в полной мере относится и к узбекской буржуазии.

Говоря о прогрессивных чертах джадидизма, иногда ссылаются на то обстоятельство, что джадиды требовали не только реформы школ, культуры, быта, но и критиковали духовенство, отсталые традиции и предрассудки и т. д. Действительно, джадиды, так же как и просветители, критиковали представителей феодально-клерикального направления, выступавших против всяких реформ и ратовавших за неизменность старых догм и порядков, за что в литературе они получили название «кадимистов» (сторонников старины). Однако и в этом вопросе позиции джадидов и просветителей были разными.

⁷ С. И. Гулишамбаров. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской дорогой, ч. 1, Асхабад, 1913, стр. 254—275.

⁸ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. II, стр. 234.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 217.

Просветители в отличие от идеологов джадидизма отстаивали интересы народных масс. В. И. Ленин, говоря о русских просветителях 60-х годов, указывал, что просветитель «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян...»¹⁰.

Это указание В. И. Ленина дает нам ключ к правильному пониманию различия между среднеазиатскими джадидами и просветителями-демократами. Если джадиды выступали идеологами зарождающейся, но оторванной от народных масс буржуазии и были далеки от борьбы за нужды народных масс, то просветители свою борьбу против клерикализма и за внедрение современной культуры в жизнь подчиняли интересам народа. Говоря о критике джадидами феодально-клерикальных элементов, необходимо подчеркнуть, что они не выступали с позиций атеизма, не затрагивали основ ислама, а наоборот, пытались укрепить их. Их критика в этом отношении была направлена против невежества, алчности и различных непристойных действий отдельных представителей мусульманского духовенства, которые своим поведением роняли авторитет религии в глазах народа. Джадиды хотели приспособить догмы ислама к интересам национальной буржуазии. Они старались поднять культурный уровень служителей ислама, дать им современное образование и сделать способными духовно закабалить народ, который все более левел, политически созрел и постепенно уходил из-под влияния религии. При каждом удобном случае они на первый план выдвигали вопросы укрепления ислама, реформы его догм, поднятия его авторитета. Джадидский журнал «Ойна» утверждал, что он борется за расцвет и реформу ислама, за приобщение мусульман к культуре и науке. Таким образом джадиды стремились к укреплению ислама, религия была знаменем их борьбы против революции, за упрочение буржуазных порядков.

Джадидизм, хотя и имел по сравнению с клерикализмом некоторые черты либерализма (враждебное отношение к феодальным порядкам и защита европейской культуры), но уже в начале XX в. он выявил свои реакционные черты.

3. ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И ДЖАДИДИЗМ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Уже в годы первой русской революции джадиды широко развернули практическую работу по изданию газет и книг, организации кружков самодеятельности, благотворительных обществ, библиотек и т. д.

После опубликования манифеста 17 октября 1905 г. лидеры узбекских джадидов стали упорно добиваться разрешения на издание своей газеты. Первая газета вышла под названием «Урта Азининг умр гузорлиги» («Среднеазиатское обозрение»). Она не имела определенной линии, поэтому вокруг себя не создала актива, не завоевала популярности. Даже сами джадиды постепенно отошли от нее. Уже к 1906 г. она прекратила свое существование.

В начале 1906 г. джадиды добились разрешения на выпуск новой газеты «Таракии» («Прогресс»). Но в августе она была закрыта. В сентябре они стали издавать газету под названием «Хуршед» («Солнце»). Однако в ноябре по распоряжению колониальной администрации она также была закрыта.

В 1907 г. лидеры джадидов вновь начали ходатайствовать о разреше-

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.

нии издавать газету. Наконец, в декабре 1907 г. стала выходить газета под названием «Шухрат» («Слава»). Она существовала до февраля 1908 г. А в апреле на средства «Шухрат» стала выпускаться газета «Осиё» («Азия»). Всего вышло 5 номеров, и снова газета была закрыта колониальной администрацией.

С 1912 г. джаиды снова возобновили издание газет и журналов. В отличие от предыдущего периода, газеты выходили не только в Ташкенте, но и в других городах Туркестана. Так, в 1913 г. в Самарканде под редакцией Бехбуди издавалась газета «Самарканд», в 1914 г. в Ташкенте — «Садои Туркистон» («Голос Туркестана»). Одновременно в Фергане выходила «Садои Фаргона» («Голос Ферганы»), в 1915 г. в Коканде — «Трик суз» («Живое слово»). В эти же годы появились первые журналы на узбекском языке. В 1913 г. в Самарканде вышел журнал «Ойна» («Зеркало»). Бухарские джаиды издавали газету «Бухорои Шариф» («Священная Бухара»).

Хотя на страницах «Таракки» появился ряд статей, направленных против духовенства, в поддержку реформы школ, однако газета проповедывала идею так называемого национального единства, классового мира внутри мусульман. Критикуя форму управления Туркестанским краем, газета требовала ее реформы. Но о самом царизме как системе ничего не говорилось. В газете «Хуршед», в которой была опубликована приведенная выше статья М. Бехбуди, критика существовавшего социально-политического строя приняла совершенно лояльный тон, но зато много места отводилось попыткам сыграть на националистических чувствах масс. В пятом номере газеты была напечатана статья «Проблема, стоящая перед нацией». В ней осуждались мусульмане, которые предпочитают покупать товары у евреев и индусов, а не у мусульман. «Для прогресса нации,— поучала газета,— нужно бойкотировать купцов-иноверцев и покупать товары у своих единоверцев». Это должно было способствовать развитию национальной буржуазии. Здесь автор статьи сознательно делал акцент на еврейских и индусских купцах, обходя русских капиталистов. Газета на каждом шагу клеветала на социал-демократов, выражая, где только возможно, чувства преданности царю.

В газете «Шухрат» идея сотрудничества с русской буржуазией и борьбы против революционной идеологии пролетариата приняла совершенно четкий характер. В одной из статей М. Бехбуди проводилась мысль о том, что для расцвета нации нужно подготовить кадры инженеров, медиков, юристов, экономистов, обучая молодежь в Петербурге и Москве. Но для сохранения чистоты нации (т. е. ислама) следует в то же время готовить кадры духовенства в Стамбуле и Александрии.

Джаидские печатные органы пропагандировали идеи пантюркизма и панисламизма, призывая сплотиться под знаменем ислама вокруг баев. Они предостерегали против близкого общения с русскими рабочими. Газета «Самарканд» рекомендовала изучать русский язык, но только для того, чтобы стать предприимчивыми торговцами. В джаидских журналах и газетах ничего не говорилось о тяжелом положении народа, об унижении и разорении трудовых крестьян и ремесленников, об ограблении их баями, ростовщиками, заводчиками, о беззакониях колониальной администрации. А эти вопросы более всего волновали народ. Не удивительно, что джаидская печать не пользовалась влиянием на народные массы.

Ухудшение положения народных масс в период первой мировой войны вызвало, как известно, восстание 1916 г., во время которого местная буржуазия открыто выступила против трудящихся. В дни восстания в полной мере проявилась антинародная реакционная позиция феодальных элементов и национальной буржуазии. Восстание показало, что русский рабочий класс в лице трудящихся Туркестана имеет верного союзника в своей борьбе против царизма и русской империалистической

буржуазии. Панисламистским и пантюкистским элементам не удалось противопоставить местные народы русской нации в целом. Наоборот, в дальнейшем сложились условия, при которых началось организованное сближение трудящихся Туркестана с русским рабочим классом, с русским народом. Это произошло в прифронтовой полосе и в промышленных центрах страны, куда по приказу царя в 1916 г. были отправлены тысячи и тысячи дехкан Туркестана на тыловые работы. Вопреки строгому предписанию о запрещении общения с окружающим населением, передовые рабочие и большевистские организации указанных районов сумели установить связь с тыловиками.

Положение о том, что после формирования джадидизма как идеологии либеральной буржуазии, параллельно с ним продолжало существовать революционно-демократическое просветительское течение, отражавшее интересы трудовых крестьян и ремесленников, получает подтверждение в борьбе между их представителями и в различном их отношении к восстанию 1916 г.

Прогрессивные поэты — Завки, Аваз Отар-Оглы, Хамза и другие — выступали против местной буржуазии и лидеров джадидизма. Они разоблачали их антинародную позицию. В этом отношении характерно выступление Завки против джадидских главарей и против клерикалов, группировавшихся вокруг журнала «Ал-ислах». На страницах журнала в 1916 г. велась клеветническая кампания против Фурката, Мукими и Завки. В стихотворении «Афандилар» («Господа») Завки дал резкую отповедь клеветникам, показав, насколько они далеки от народа. «Ваша деятельность, — говорил он, — равносильна игре на карнае (бас в узбекском оркестре. — М. В.) в ухо больного». Очень метко определил поэт главную особенность джадидизма: «Вы хотите помирить волков с овцами (баев с бедняками)». Отмежевываясь от джадидов, Завки заявил: «Идти с вами для меня означает повеситься на виселице. Я бедный сапожник и останусь со своими друзьями-сапожниками»¹¹.

В 1916 г., когда в результате войны в некоторых областях Туркестана, в особенности в Ферганской долине, начался голод и под влиянием подавления восстания народ был охвачен паникой и унынием, Завки написал свои стихи «Аджаб эрмас» («Возможно») ¹². В них он говорил, что голод, гнет, могущество царизма — все это преходяще, в ближайшие дни покажется солнце свободы. Далее, упрекая баев в том, что они не заботятся о народе, поэт утверждал, что помощь придет со стороны (повидимому, намекал на русских рабочих). Как известно, в этот период в центральных районах страны уже начались антивоенные выступления рабочего класса, усилилось недовольство против царизма и т. д. Такие же мотивы звучали в произведениях Аваза Отар-Оглы, Хамзы Хакимзаде и др. Хамза в дни восстания писал:

«Бан, шейхи, улемы, все ишане и мингбани —
Все одной веревкой связаны, совесть продали за гроши»¹³.

4. ДЖАДИДЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 г.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции русская буржуазия оказалась не в силах сразу же взять всю полноту власти в свои руки. Рядом с созданным ею Временным правительством существовали Советы, опиравшиеся на рабочие, солдатские и крестьянские массы. Возникли десятки союзов, групп и партий, имевших различные программы, уставы и организационное строение. Такое же явление происходило и на всех национальных окраинах, в частности в Туркестан-

¹¹ Х. Разаков. Указ. соч., стр. 67—69.

¹² Завки. Сборник избранных стихов, Ташкент, 1957, стр. 87.

¹³ Перевод заимствован из книги «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 396.

ском крае. Весть о свержении самодержавия была получена в Ташкенте — центре края — 28 февраля, а к концу марта количество общественных организаций только в одном Ташкенте доходило до 40.

Местные эксплуататорские классы и их идеологи — кадимисты и джадиды также создали свою организацию под названием «Шуро-и-Исломия». Она возникла 17 марта 1917 г. в Ташкенте. Летом того же года из нее выделилось общество «Улема», объединявшее наиболее реакционные феодально-клерикальные элементы. Это уже была организация кадимистов. А «Шуро-и-Исломия» превратилась в организацию джадидов. Она стояла на позиции национально-религиозной автономии в составе буржуазной России, намечала проведение некоторых реформ в области просвещения и быта, причем в той мере, в какой они нужны для развития капитализма и в рамках законов ислама. Общество «Улема» также стояло на позиции национально-религиозной автономии в составе буржуазной России, но было противником каких-либо реформ.

Социальное лицо этих организаций выявилось сразу же, как только встал вопрос об отношении к политике Временного правительства. Туркестанский комитет Временного правительства продолжал, по существу, политику царского правительства. Комитет вынес специальное постановление о положении Туркестана в составе России, где было указано, что Туркестан должен управляться по типу английских или французских колоний в Африке и Азии. Тем не менее «Шуро-и-Исломия» на своем первом съезде, состоявшемся в апреле 1917 г. в Ташкенте, выразила полное доверие Комитету Временного правительства.

Победа Февральской революции открыла новую полосу национально-освободительного движения в колониальном Туркестане. В это время трудящиеся крестьяне и кустари от стихийных выступлений, отличавших их движение в прошлом, перешли к сознательной организованной политической деятельности. Трудовые массы создали свои классовые организации в лице профессиональных союзов, Советов, комитетов и союзов трудящихся. Начало организованному сплочению местных трудящихся в Туркестане положили строительные рабочие старого города Ташкента. Еще в апреле 1917 г. они создали «Общество мастеровых». Количество его членов очень скоро выросло до 700 человек. Почти одновременно с ним возник союз кожевенных рабочих¹⁴. В организации этих союзов большую роль сыграли русские рабочие. В короткое время в городах возникли профсоюзы местных рабочих — сапожников, жестянщиков, хлебопеков и т. д. Местные рабочие, занятые в промышленных предприятиях, на железной дороге и в железнодорожных мастерских, входили в общие союзы. Профессиональные союзы были первыми школами, воспитавшими активных политических организаторов из числа трудящихся коренных национальностей.

Развертывание профсоюзной работы среди местных трудящихся в апреле и мае 1917 г. явилось подготовкой к созданию Советов трудящихся мусульман. В отличие от профессиональных союзов это были общедемократические организации рабочих, прогрессивной интеллигенции, частично охватывавшие трудящихся крестьян и кустарей. Советы трудящихся мусульман начали появляться уже в конце мая и в начале июня 1917 г. Непосредственными их организаторами были вернувшиеся на родину тыловые рабочие. 2 июня по их инициативе было создано общегородское собрание тыловиков Ташкента, на котором был создан Совет мусульманских рабочих депутатов¹⁵. С первых дней своего существования он выступил против местных эксплуататорских классов и установил тесную связь с городским Советом рабочих и солдатских депутатов. Под разными названиями организации трудящихся возникли

¹⁴ М. Вахабов. Ташкент в период трех революций, Ташкент, 1957, стр. 169.

¹⁵ Там же, стр. 171.

и в других городах края. Все они установили тесный контакт с Советами, выступали против «Шуро-и-Исломия».

Установление организованной связи между русскими рабочими и местными трудящимися было подготовлено всем ходом развития революционного рабочего и национально-освободительного движения в Туркестане в начале XX в. Революция 1905—1907 гг. пробудила к политической активности местных трудящихся, а восстание 1916 г. положило начало установлению фактической связи между ними и русским пролетариатом. Победа Февральской революции создала условия для расширения и укрепления этой связи.

Общество «Шуро-и-Исломия» с первых дней старалось сплотить местное население под своим знаменем, для чего развернуло печатную и устную пропаганду. В марте в Ташкенте вышла как орган Временного правительства (а фактически выражавшая интересы местных эксплуататорских классов) газета «Наджот» («Спасение»). В мае вышла газета «Шуро-и-Исломия», в июне ее заменила «Кенгаш» («Совет»). Характерной их особенностью было то, что они, как и в прошлом, старались оградить местных трудящихся от влияния революционного рабочего движения. Они теперь выступали против Советов рабочих и солдатских депутатов. С этой целью в джадидских газетах часто появлялись призывы к населению сплотиться под знаменем панисламизма и пантюркизма. Пантюркисты выступали с проповедью о том, что все тюркоязычные народы — одна тюркская нация, что эта нация — единая семья, в которой все тюрки — братья, независимо от их имущественного состояния, а исламисты всех мусульман считали одной монолитной нацией.

Вопреки утверждениям джадидов, классовые противоречия среди местного населения с каждым днем усиливались. Народные массы, вследствие недостаточной политической зрелости вначале доверчиво относившиеся к «Улема» и «Шуро-и-Исломия», в дальнейшем быстро отошли от них. Духовенство, землевладельцы, торговцы, капиталисты, объединившиеся через «Шуро-и-Исломия», «Улема» и другие подобные организации, пытались лишить местных трудящихся политических прав. Это четко проявилось в дни подготовки к выборам в Городскую думу. На митинге в Ташкенте, организованном 29 июня 1917 г., присутствовало около 1000 человек, из них большинство составляли муллы. Митинг постановил: из 112 кандидатов в Городскую думу 75 выдвигаются баями и муллами, а 37 — прочим населением. Таким образом, на 1000 баев и мулл приходилось в два раза больше кандидатов, чем на 100 000 прочего населения¹⁶. В Самарканде из 75 кандидатов в Городскую думу союзу трудящихся было предоставлено всего два места. Так было и в Коканде.

Недовольство народа деятельностью обществ «Улема» и «Шуро-и-Исломия» теперь перерастает в открытую борьбу. Протестуя против несправедливого распределения мест, «Союз трудящихся мусульман» Самарканда («Иттифок») выпустил воззвание, в котором подчеркивалось, что «меньше $\frac{1}{10}$ части населения города Самарканда — баи, муллы — выставляют 73 кандидата, а основная масса населения города — бедняки и рабочие — должны были выставлять 2 кандидата. Это несправедливо»¹⁷. «Иттифок» самостоятельно выдвинул 58 кандидатур. В день выборов шуруинисломисты и улемисты на избирательных участках избили членов «Союза трудящихся мусульман», в результате двое умерли. Такие события происходили и в других городах, в том числе в Коканде, где было избито 4 человека, двое из них тоже умерли¹⁸.

¹⁶ «Хурият», № 27, 1917 г.

¹⁷ Там же, № 33, 1917 г.

¹⁸ «Узбекистон ССР тарихи (биртомлик)» («История Узбекской ССР — однотомник»), Ташкент, 1957, стр. 448—449.

Резко обострились противоречия между прогрессивной интеллигенцией, стоявшей на позициях просветительства и тесно связанной с организациями трудящихся, с одной стороны, и руководителями «Шуро-и-Исломия» и «Улема», с другой. Реакционеры неистовствовали. Когда в июле 1917 г. в газете «Туран» была опубликована статья, разоблачавшая мусульманское духовенство, шуроиисломисты организовали травлю ее автора Мирмухсина Шермухамедова. В один из базарных дней он было схвачен шуроиисломистами в Ташкенте (старом городе) и избит, а затем при помощи их ставленника — старогородского комиссара посажен в тюрьму. Только благодаря вмешательству руководителей Совета мусульманских рабочих депутатов и при содействии новгородского Совета рабочих и солдатских депутатов Мирмухсин был освобожден из заключения. Но шуроиисломисты этим не ограничились. Они подняли вопрос о закрытии газеты. В конце концов она была закрыта, хотя редактор Абдулла Авлани совместно с другими прогрессивными деятелями вел усиленную борьбу за ее существование¹⁹.

Идеологическая обработка трудящихся в духе панисламизма и пантюркизма в этот период получила еще больший размах и более четкое контрреволюционное направление. В сентябре 1917 г. в Ташкенте по инициативе главарей джадидов была создана организация «Тюрк адами марказият» («Общество тюркских федералистов»), которая, в отличие от «Шуро-и-Исломия» и общества «Улема», претендовала на звание политической партии. Большую роль в ее организации играли ташкентский реакционный муфтий Садриддинхан и Мухаммед Эмин Афандизаде, эмиссар азербайджанских джадидов, сторонников создания федеративного тюркского государства под эгидой Турции, специально командированный ими в Туркестан летом 1917 г. «Тюрк адами марказият» предполагала объединить все организации, возникшие среди местного населения. Она приступила к изданию своей газеты под названием «Тюрк эли» («Страна тюрков»). Лозунг ее гласил: «За здравствует Федеративная Туркестанская республика!» Свою задачу газета определяла так: «прочно стоять на почве ислама и защищать господство автономии». В этот период газеты панисламистского и пантюркистского направлений издавались во многих городах Туркестана. В Коканде с сентября начала выходить «Эл байроги» («Знамя народа»). Она выдвигала лозунг «Да здравствует Туркестанская автономия!», подразумевая под этим мусульманскую республику в составе буржуазной России.

Организация «Тюрк адами марказият» сумела объединить главарей «Шуро-и-Исломия» и общества «Улема». Толчком для этого послужил их страх перед надвигающейся социалистической революцией. Большую панику в лагере джадидов и улемистов вызвали события, развернувшиеся 12 сентября 1917 г. в Ташкенте. Как известно, в этот день в Ташкенте городской Совет рабочих и солдатских депутатов захватил власть в свои руки, сместив с поста и арестовав многих должностных лиц Временного правительства. Вслед затем до самого Октябрьского вооруженного восстания шла острая борьба между Ташкентским Советом и представителями Временного правительства.

В те дни краевые комитеты обществ «Улема» и «Шуро-и-Исломия» переехали в Коканд и оттуда, объединившись, вели борьбу против Ташкентского Совета. Однако вопреки стараниям контрреволюции, в том числе улемистов и шуроиисломистов, социалистическая революция победила в крае. В борьбе за власть Советов и ее упрочение местные трудящиеся выступили верными союзниками русского пролетариата, просветители перешли на позиции социализма, а шуроиисломисты и улемисты, организуя басмачество и усиливая антисоветскую пропаганду, скатились в лагерь открытой контрреволюции.

¹⁹ «Узбекистон ССР тарихи (биртомлик)», стр. 448.

5. ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Период между Февралем и Октябрем в жизни народов многих восточных окраин нашей страны знаменовался ростом политической активности трудящихся и появлением среди них коммунистических организаций. Как известно, среди трудящихся отдельных национальностей восточных окраин — азербайджанцев, татар, башкир и казахов — еще в колониальный период зарождается социал-демократическое движение, появляются десятки активных пропагандистов идей марксизма-ленинизма. Коммунистическое движение более или менее значительно растет среди народов тех районов, где заметно развивается промышленность и формируются отряды промышленного пролетариата из числа трудящихся коренных национальностей. Такими были промышленные районы Азербайджана, в частности Баку, западного Казахстана, отдельные районы Татарии и Башкирии. Здесь среди местных рабочих появляются первые социал-демократы, распространяются идеи марксизма-ленинизма. Это, конечно, не могло не влиять на передовую часть интеллигенции. Многие интеллигенты были членами и руководителями социал-демократической группы «Гуммет» («Энергия») при Бакинском комитете РСДРП, являлись активными деятелями большевистской партии: М. А. Азизбеков и другие в Азербайджане, А. Т. Джангильдин в Казахстане, Х. Ямашев и М. Вахитов в Татарии и другие. К сожалению, имена ряда преданных делу народа представителей национальной революционной интеллигенции, перешедших на позиции марксизма-ленинизма еще до революции, выступавших первыми пропагандистами научного коммунизма среди народов восточных окраин России, были незаслуженно забыты.

В Туркестанском крае сложилась такая обстановка, что социал-демократическим группам и комитетам, возникшим в колониальный период среди русских рабочих в некоторых городах, не удалось установить организационный контакт с местными трудящимися и прогрессивной интеллигенцией. Поэтому здесь среди коренного населения социал-демократическое движение не вылилось в такие организационные формы, как в Азербайджане, Татарии и других окраинах с более или менее заметно развитыми промышленными центрами. Однако в Туркестане к моменту Октябрьской революции условия для зарождения и развития революционно-пролетарского движения вполне созрели. Колониальная политика правительств, с одной стороны, антинародная и реакционная деятельность национальных верхов, с другой, резко обострили экономические и политические противоречия в Туркестане. Народ искал выхода из создавшегося положения. Октябрьская революция уничтожила колониальное и социальное угнетение. Коммунистическая партия направила трудящихся на путь хозяйственно-политического прогресса и духовно-культурного расцвета. В этих условиях многие демократы-просветители и интеллигенция, находившаяся под их влиянием, вступали в ряды Коммунистической партии. Просветительство уступило место социализму. Общественно-исторической основой этого явился рост политической активности и классового самосознания местных трудящихся.

Политические, экономические и социальные перемены в Туркестане, происшедшие после Октябрьской революции, естественно углубили ту пропасть, которая уже образовалась между местными эксплуататорскими классами и трудящимися массами. Состоявшийся в Ташкенте в дни III съезда Советов Туркестана (ноябрь 1917 г.) съезд улемистов выступил с декларацией, в которой требовал организации буржуазной республики на основе национально-религиозной автономии в рамках Российской республики. Националисты настаивали на невмешательстве политических партий во внутреннюю жизнь мусульман Туркестана;

требовали организации политической и культурной жизни мусульман на основе шариата; считали необходимым создать краевой и местные органы власти только из представителей мусульман, допуская участие других национальностей в ограниченном числе²⁰.

Краевой мусульманский Совет, руководимый шуроиисломистами, созвал 27 ноября 1917 г. в Коканде свой IV Чрезвычайный съезд. На съезде было создано Временное правительство «Туркестанской автономной республики», получившее в литературе название «Кокандской автономии». Она поставила перед собой задачу создания в Туркестане среднеазиатского халифата и объединения вокруг него всех мусульман Средней Азии. Этот халифат должен был находиться в исключительном ведении Англии, и управление его мыслилось по образцу управления английскими колониями в Африке.

Главарь «Кокандской автономии» с первых дней ее существования усиленно призывали народ выступать против большевиков. С этой целью они наметили проведение антисоветских демонстраций в городах Туркестана. Такую антисоветскую демонстрацию они намеревались провести в Ташкенте 13 декабря 1917 г. и к ней тщательно готовились. Она должна была превратиться в вооруженное восстание. Местные трудящиеся не поддержали выступления кокандских автономистов.

Второй попыткой националистов захватить власть был созыв Чрезвычайного съезда так называемых представителей местного населения в Коканде в декабре 1917 г. Съезд должен был заручиться поддержкой трудящихся и мобилизовать их на борьбу против Советов. Делегатами съезда были исключительно баи, муллы, землевладельцы и другие эксплуататорские элементы. Представители трудового народа составляли менее 10%. Попытка съезда предъявить ультиматум Совету Народных Комиссаров Туркестана о передаче власти в руки Кокандского автономного правительства провалилась. Присутствовавшие на съезде члены «Союза трудящихся мусульман» Самарканда, Коканда и других городов заявили, что они не признают «Кокандскую автономию» законным правительством Туркестана. Этим они выразили волю трудящихся Туркестана. Еще накануне съезда представители городов Самаркандской области — Ходжента (Ленинабада), Катта-Кургана, Джизака, Ура-Тюбе, а также Ташкента выразили доверие Совнаркому Туркестана²¹.

Таким образом, попытка «Кокандской автономии» взять власть в Туркестане провалилась. В дальнейшем вооруженный отряд «Автономного правительства» под командой бандита Эргаша Курбаши производил набеги на русские части городов и железнодорожные станции, на угольные копи и нефтепромыслы Ферганской области. Когда на улицах Коканда шли упорные бои между «автономистами» и защитниками Совета, в тыл отряда Эргаша ударили красновардейские отряды промыслов «Кызыл-Кия» и «Санто», состоявшие из русских и местных рабочих. После трехдневного боя банда Эргаша была разгромлена, и «Кокандское автономное правительство» пало. В этой борьбе принимали активное участие трудящиеся узбеки, киргизы и таджики Ферганской долины, сплоченные в местные органы Союза трудящихся мусульман²².

Разгромом контрреволюционного «Кокандского автономного правительства» завершается триумфальное шествие социалистической революции по Туркестану. В результате широкого приобщения местных трудящихся к советскому строительству в период борьбы против «Кокандской автономии» и в дальнейшем, в период создания Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики весной 1918 г., значительно возросла политическая активность местных трудящихся. Она вырази-

²⁰ «Туркестанские ведомости», 1 ноября 1917 г.

²¹ «Наша газета», № 24, 1918 г.

²² «История Узбекской ССР», т. II, стр. 62—63.

лась в усилении стремления их к вступлению в ряды Коммунистической партии. Этому способствовало и то, что весной 1918 г. большевики Туркестана, порывая всякую связь с меньшевиками, организовали во всех городах самостоятельные группы, комитеты и ячейки, а в июне 1918 г. на I съезде создали Краевой комитет КПТ. В 1918 г. в Туркестане не только появилась самостоятельная большевистская организация, но она стала массовой организацией, причем значительную часть ее составляли местные трудящиеся.

Среди коммунистов из числа местных национальностей было немало интеллигенции, значительная часть которой ранее принадлежала к просветителям. Некоторые из них в первые годы революции, выступая с пропагандой идей Советов и Коммунистической партии, способствовали росту политического самосознания народа, усилению его тяги к советскому строительству и приобщению к новой жизни, хотя сами они еще не вступили тогда в партию. Такими были Завки, Хамза (вступил в партию в 1920 г.) и другие.

После победы Октябрьской революции, еще в дни борьбы против «Кокандской автономии», а затем басмачества, Завки выступал с разоблачением националистов, был пламенным пропагандистом Советской власти. В стихотворении «Бандит Эргаш», написанном в начале 1918 г., Завки в метких и убедительных выражениях разоблачал Эргаша, назначенного командующим вооруженными силами «Кокандского автономного правительства». Он выражал уверенность в том, что воля и желание народа, т. е. революции, которая слона (царя) превратила в муху, «направит караван (т. е. жизнь) по правильному пути». Говоря, что «Улема» совместно с баями и духовенством (Кази Камалом) пытаются захватить власть, Завки делает вывод: «Этому — не бывать»²³.

В те дни, когда поэты-националисты писали свои стихи, полные клеветы на большевиков, как на «разорителей» Ферганы, и призывали на помощь нового Чингиза и Тимура, Завки заканчивал свое стихотворение «Фергана» словами:

«Стремясь воскресить давно усопших ханов и беков,
Погубили басмачи бесчисленно невинных душ,
Невозможно счесть сгоревших в пожарах трупов.
О боже! для нашего спасения пошли нам в помощь большевиков!
Чтобы Фергана могла быть неразлучной со счастьем
и благополучием»²⁴.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции Завки с позиций просветителя-демократа перешел на позиции революционера-социалиста. Такую же эволюцию совершил и Хамза Хаким-заде Ниязи. Он выступил как первый советский поэт в Туркестане, воспевая торжество труда, советский строй. Его известные стихи и песни «Мы рабочие», «Да здравствуют Советы!», «Проснитесь, рабочие!» и другие явились первыми узбекскими советскими песнями.

Завки и Хамза были представителями новой, зарождающейся советской интеллигенции. Они так же, как первые советские учителя и советские служащие (Абдулло Авлоний, Мирмухсин и др.), принимали активное участие в строительстве новых культурных и просветительных учреждений. Завки проводил большую организационную работу среди кустарей, создавал промысловые артели. Он участвовал в организации борьбы против бандитов Эргаша, от рук которых и погиб в 1921 г.

После установления Советской власти на базе любительских театров, созданных ранее просветителями, зародился узбекский советский театр. Уже в сентябре 1918 г. в Фергане под руководством Хамзы возникла «Краевая разъездная драматическая труппа». В том же году в

²³ Завки. Избр. произв., изд. 2-е, Ташкент, 1960, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 92—93.

Ташкенте Маннон Маджидов (Уйгур) организовал драматическую труппу им. К. Маркса. В этих труппах участвовали Мухитдин Кари Якубов, Абрар Хидоятлов, Ятим Бабаджанов и другие. Зарождалась узбекская советская драматургия. Хамза создал такие талантливые произведения, как «Бай и батрак», написал целую серию пьес: «Ферганская трагедия», «Возмездие клеветникам» и т. д. К этому периоду относится и появление узбекской советской периодической печати и книгоиздательства. С июня 1918 г. начала выходить газета «Иштрокиюн» («Коммунист») — первая узбекская советская газета. Ее лозунгом было: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!». С декабря 1920 г. она была переименована в «Кизил байрак» («Красное знамя»), в дальнейшем — в «Туркестан», а ныне выходит под названием «Кзыл Узбекистон». Всего в 1918—1920 гг. выходило 11 газет на узбекском, казахском, туркменском языках, не говоря уже о газетах на русском языке.

Большим переворотом в области культурного строительства была реформа узбекского алфавита в сторону сближения его с живой узбекской фонемой. Как известно, старый узбекский алфавит механически применял арабскую графику к узбекскому языку. Это создавало огромные трудности в обучении грамоте. Еще до революции в отдельных новометодных школах делались попытки сближения алфавита с живыми фонемами. Но они являлись частной инициативой. Теперь реформа была проведена как государственное мероприятие. В алфавите были упразднены все неприсущие узбекскому языку знаки и, с другой стороны, введены новые знаки, недостающие в существовавшем алфавите. Все узбекские газеты и издательства постепенно переходили на новый, реформированный алфавит.

Такие же революционные перемены происходили и в жизни других народов Средней Азии — казахов, туркмен, таджиков, киргизов и каракалпаков. Все народы Средней Азии при помощи русского пролетариата и под руководством Коммунистической партии приобщались к социалистическому строю, минуя капиталистическую стадию развития. На этой базе демократическое просветительство, отражавшее интересы трудовых крестьян и ремесленников, не уступая в колониальный период своего места буржуазному либерализму (джадидизму), развиваясь параллельно с последним, после Октябрьской революции исчерпало себя как идейно-политическое течение, и его носители переходили на позиции социализма.

6. ДАЛЬНЕЙШАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЖАДИДИЗМА

Исторические перемены, происшедшие в жизни народа, окончательно выбили почву из-под ног джадидов и кадимистов. Объединившись в одну группу они, наряду с открытой вооруженной борьбой против Советской власти силами басмаческих банд, развернули диверсионную работу в области идеологии. Были созданы подпольные контрреволюционные организации, сеть различных нелегальных культурных и научных обществ. Теперь термины «джадид» и «кадимист» заменяются одним словом «националист». Джадидизм уступает место контрреволюционному буржуазному национализму.

Главным идейным оружием буржуазных националистов по-прежнему была пропаганда пантюркизма. Их деятельность шла по трем направлениям. Они пытались внедрить в сознание людей идеи пантюркизма через культурно-просветительные учреждения, воспитать молодое поколение в духе пантюркизма через школы и осуществить пантюркизм в государственном и партийном строительстве. С этой целью они проникали в советские и партийные органы, в культурно-просветительные учреждения, в систему народного образования. Всеми ими ру-

ководила подпольная организация «Тюрк адами марказият», которая в дальнейшем для маскировки систематически меняла свое название²⁵.

Как было сказано выше, в сентябре 1917 г. джадиды организовали свою партию под названием «Тюрк адами марказият» («Тюркский федерализм»). Еще до Октябрьской революции организаторы и идеологи этой партии начали появляться в разных городах, проповедуя объединение всех тюркоязычных народов и всех мусульман в одно государство на федеральных началах. «Тюрк адами марказият» усилила свою деятельность особенно в период «Кокандской автономии». После разгрома последней она создала новую организацию под названием «Фукахо», которая официально была объявлена обществом, борющимся за реформу ислама. Однако в своем журнале «Изхорулхак» («Открытие истины») «Фукахо» выдвигала лозунг: «Да здравствует тюркство и исламизм!», «Да здравствует единение мусульман всего мира!». Авторы публикуемых статей выступали против коммунизма, защищали частную собственность, призывали к борьбе против большевиков и т. д.

Еще во время существования «Кокандского автономного правительства» была послана в Баку специальная делегация для связи с азербайджанскими националистами. Оттуда она вернулась с несколькими турецкими эмиссарами, называвшими себя учителями. С этого времени тайное общество туркестанских националистов приняло название «Иттиход ва таракки» («Единение и прогресс»). В 1918 г., когда войска интервентов захватили Азербайджан, представители туркестанской партии «Единение и прогресс» направились в Баку и оттуда в Стамбул. Здесь они познакомились с организаторами турецкой партии «Единение и прогресс» и просили принять под свое руководство туркестанскую организацию. Последняя стала Туркестанским отделением пантюркистской реакционной партии «Единение и прогресс». Теперь туркестанские пантюркисты не только разделяли идеи турецких пантюркистов, но и стали их подчиненными.

Делегация Туркестанского отделения «Единение и прогресс» вернулась из Турции в феврале 1919 г., когда Туркестан находился в огненном кольце гражданской войны. Турецкие лидеры партии с целью маскировки посоветовали националистам Туркестана изменить название своей организации: вместо «Иттиход ва таракки» — «Миллий Иттиход» («Национальное единение»). Эта организация координировала деятельность всех националистических групп в Туркестане.

В просветительных и научных учреждениях орудовали сторонники Фитрата. Группа Афандизаде, выдвинутого в то время на пост народного комиссара просвещения Туркестанской республики, захватила в свои руки руководство школами, поручая всю учебно-воспитательную работу туркам-военнослужащим. Организация «Изчилар трудаси» («Группа последователей») в Ташкенте под видом культурно-массовой работы вела националистическую пропаганду. Специальная группа членов организации «Миллий Иттиход» во главе с Абдукагором Курбаши создавала басмаческие банды и руководила ими. Бехбуди и Мардонкул были отправлены в Париж для участия в Мирной конференции от имени буржуазных националистов Туркестана и постановки вопроса об отделении Туркестана от Советской России.

²⁵ Как известно, деятельность подпольных националистических организаций Туркестана еще не получила в литературе сколько-нибудь значительного освещения. Это объясняется тем, что материалы об их работе в архивах отсутствовали, если не считать разрозненных косвенных сведений, встречающихся в различных делах и фондах. Факты о деятельности организаций «Тюрк адами марказият», «Иттиход ва Таракки», «Миллий Иттиход», «Фукахо» и других почерпнуты из различных разделов книги белоэмигранта, одного из активных деятелей джадидизма Абдуллаха Раджаба Байсуни «Национальное движение в Туркестане», изданной в Стамбуле в 1943 г.

В разворачивании пропаганды идеи пантюркизма большое место отводилось печати. Общим для всех выпущенных пантюркистами в первые годы революции газет был призыв всех «тюрков» к объединению в единое мусульманское государство, к отходу от Советов и большевиков. Газета «Эл Байроги» («Знамя народа») — орган националистической буржуазии Коканда, позже ставшая официальным органом «Кокандского автономного правительства», — заявляла, что она освещает вопросы материальных и духовных нужд всех тюркских народов. Орган партии «Тюрк адами марказият», «Тюрк эли» («Страна тюрков») писала, что ее цель — «прочной стоять на почве ислама, защищать автономное правительство». Газета «Тюрк сузи» («Голос тюрка») так определяла свою цель: «Освобождая тюркскую нацию от политического, экономического и духовного рабства, создать истинную тюркскую культуру». Выставляя себя органом людей, борющихся за объединение всех тюрков, газета звала: «Дети тюрков, объединяясь, вы тоже от природы берите свою долю!». При редакции этой газеты образовалось общество «Тюрк учоги» («Очаг тюрков»). Цель этого общества так характеризовалась: «Объединяя туркестанских тюрков под национальное знамя, дать им национальный дух, национальную идею и национальное воспитание; всех детей тюрков, проживающих в Туркестане, воспитывать в сознании того, что все они — дети одного тюркского народа — являются тюрками; добиться устранения племенных трений и ненависти между ними и вместо этого объединить их на основе единства и взаимной любви; развивая науку, торговлю, земледелие и промышленность в соответствии с национальными традициями и обычаями, создать истинную тюркскую культуру»²⁶.

Орган татарских джаидов, проживавших в Туркестане, газета «Улуг Туркестан» («Великий Туркестан») писала: «В Туркестане 98% населения мусульмане. Поэтому его народы не могут согласиться, чтобы краем управляли пришлые солдаты и рабочие. Несмотря на то, что солдаты и рабочие составляют всего лишь 2—3% населения, они намереваются взять в свои руки управление краем. Естественно, туркестанские мусульмане этого не допустят»²⁷.

Журнал «Ишчилар дунъёси» («Мир рабочих»), издававшийся в Ташкенте с января 1918 г., выходил под лозунгом «Избегайте идеологии коммунизма!». Редактор его Гази Юнусов в одной из статей писал: «Если смотреть по-настоящему, то коммуна и социализация земли неприемлемы для мусульман Туркестана. Поэтому мы против многих дел их (большевиков — М. В.) возражаем. Короче говоря, наша линия — демократия, народовластие. От революции мусульмане вообще, мы, мусульманские рабочие, в частности, не получили никакой пользы. Наоборот, мы переживаем такие дни, которые были и во времена Николая. Наша программа в области политики состоит в том, чтобы уничтожить микробы, вместо политики царизма установить тюркско-исламскую политику»²⁸.

В эти годы издавались различные художественные произведения, в которых развивались националистические идеи Фитрата, Чулпана, Элбека и других. В 1920 г. Фитрат написал пьесу «Чин севиш» («Истинная любовь»), в которой показывается борьба индийского националиста против предателей интересов индийского народа, сотрудничавших с иноземцами. Герой пьесы — буржуазный националист, идеалом которого было создание буржуазного строя. Живя и работая в обстановке социалистического строя, видя настоящих героев — патриотов родины — большевиков, Фитрат героем своей пьесы сознательно делает буржуазного националиста. В 1920 г. вышел сборник стихов под названием

²⁶ «Улуг Туркестан», 27 апреля 1918 г.

²⁷ Там же, 23 ноября 1917 г.

²⁸ «Ишчилар дунъёси», 1918, № 3, стр. 37.

«Узбекские молодые поэты». Многие стихи, включенные в этот сборник, носили явно выраженный антинародный характер. Поэма Элбека называлась «Горе одного юноши, мобилизованного в Красную Армию»²⁹. Поэма была рассчитана на пропаганду отказа от службы в Красной Армии и являлась стихотворным вариантом той же антисоветской агитации, которую вели духовенство и басмачи против Красной Армии. Немало стихов написали Чулпан и другие. Их произведения были проникнуты духом пессимизма и безнадежности. Они оплакивали разоренную Фергану, прозрачно намекая, что это результат установления Советской власти. В литературных произведениях, написанных членами общества «Чигатай гурунги» («Чагатайское общество»), нет ни одного образа нового советского человека, красноармейца, борющегося против басмачества, крестьянина, получившего освобождение от феодально-кулацкого угнетения и т. д.

Реформу узбекского алфавита «Чигатай гурунги» использовал для разжигания национального антагонизма среди народов Средней Азии, в особенности для противопоставления тюркоязычных народов русским и таджикам. Один из основателей этого общества, Саид Али Усманий говорил: «Бедный тюркский язык всегда был под двойным напором: постоянно на бедного давили сверху арабский язык, снизу — фарсидский язык. За последнее время арабскому и фарсидскому языку помог русский язык»³⁰. Под лозунгом очистки от чуждых слов и воскрешения былого величия и красоты тюркского (узбекского) языка они восстановили многие архаические слова, давно вышедшие из оборота, вместо живых, давно ставших узбекскими словами арабского, таджикского и русского происхождения. Книги, газеты и журналы, изданные в те годы, изобилуют множеством таких давно забытых слов, которые были совершенно непонятны народу. Вредным последствием деятельности «Чигатай гурунги» в области развития узбекской литературы была идеализация феодального прошлого. Под маркой популяризации произведений отдельных великих поэтов эпохи феодализма националисты, исходя из идеологии пантюркизма, пошли по пути идеализации всех ханов и правителей прошлого. Они пропагандировали теорию единого потока.

На руку националистам действовала группа национал-уклонистов во главе с Т. Рыскуловым внутри Компартии Туркестана, на идейном вооружении которой была идеология пантюркизма. К моменту приезда Турккомиссии СНК и ВЦИК РСФСР осенью 1919 г. эта группа, воспользовавшись ослаблением краевого руководства после злодейского убийства комиссаров-большевиков во время контрреволюционного восстания Осипова в январе 1919 г., захватила в свои руки основные звенья партийных и советских органов Туркестана.

В январе 1920 г. на III Краевой конференции мусульманских коммунистов и V конференции КПТ национал-уклонистам удалось протащить решение о создании «Тюркской республики» и «Тюркской компартии». Они поставили также вопрос «Об автономии и конституции Туркестана» с целью пересмотра конституции, принятой VI съездом Советов Туркестана в октябре 1918 г. и провозгласившей принципы автономного устройства Туркестана в составе РСФСР.

По мысли национал-уклонистов, Туркестан должен был превратиться в центр некоего особого общетюркского государства, призванного

²⁹ Как известно, в 1920 г. по инициативе М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева был принят закон о призыве местного населения Туркестана в ряды Красной Армии. Этот закон был встречен с энтузиазмом трудящимися коренных национальностей края. В короткий срок план мобилизации был выполнен.

³⁰ См. «Постановление Первого Краевого съезда по узбекскому языку и грамматике», Ташкент, 1922, стр. 30.

объединить не только «тюрков» Средней Азии, но и все тюркоязычные народы России. В основе этой республики, именуемой советской, лежал отнюдь не советский принцип национально-территориальной автономии, а реакционный национально-религиозный принцип. Отсюда вытекало, что власть в республике должна находиться в руках мусульман, независимо от их классовой принадлежности, армия должна быть мусульманской, школы и просвещение — «национальными», «Тюркская компартия» должна стать основной организацией в Туркестане, а коммунистические организации других народов, в том числе РКП(б), должны быть ей подчинены³¹.

Борьба против национал-уклонистов развернулась в сложной обстановке. Ее возглавила Турккомиссия СНК и ВЦИК РСФСР. Она опиралась на широкие массы членов партии, низовых советских работников, большей частью выходцев из среды трудового народа. Борьба эта, как известно, кончилась полной победой ленинской линии партии.

После разгрома основных сил басмачей и значительного упрочения Советской власти в Туркестане националисты и их агентура внутри партии изменили свою тактику. Часть их, открыто перешедшая на сторону басмачей, бежала за границу, главным образом в Турцию, другая часть сложила оружие и включилась в советскую и партийную работу. Некоторые национал-уклонисты продолжали борьбу методом двурушничества. Они в своих выступлениях и заявлениях представляли дело так, будто бы партия и Советское государство не проявляют внимания к запросам народов Туркестана, не создают условий для их культурно-экономического роста и т. д. Норбутабеков, будучи в составе делегации Туркестана на съезде народов Востока, созванном в 1920 г. в Баку, жаловался на то, что в Туркестане якобы существует национальное неравенство, что и в культурном и в экономическом отношении край отстает и т. д. Его выступление было поддержано Рыскуловым³².

С проведением национального размежевания и образованием национальных советских социалистических республик (1924—1925 гг.) был нанесен сокрушительный удар по националистическому уклону внутри партийных организаций Средней Азии, хотя социальная почва для возрождения национализма в лице остатков эксплуататорских классов еще не была тогда устранена.

Попытка некоторых авторов представить дело так, будто национализм в Туркестане и националистический уклон внутри КПТ были не столь уж сильны, что они якобы представляли малозначительное явление — совершенно неправильно. Усиление национализма в рассматриваемый период в условиях Средней Азии не было случайным. Националистические течения и тенденции не являлись плодом какого-либо непонимания или ошибками, порожденными трудностями обстановки. Это была сознательно разработанная линия, вытекающая из всесторонне обдуманной программы. К сожалению, мы не имеем полных данных о деятельности подпольных националистических организаций, но даже те факты, которые нам доступны, показывают наличие согласованности в действиях басмачей, двурушников в советском аппарате, членов обществ «Чигатай гурунги», «Изчиллар Тудаси» и других. По всему видно, что был какой-то центр, руководивший всеми их преступными делами. Судя по книге белоэмигранта А. Р. Байсуни «Национальное движение в Туркестане», таким центром был «Иттиход ва Таракии», неоднократно изменявший свое название. Что касается национал-уклонистов, то многие из них были молодыми работниками, в прошлом

³¹ Подробнее об этом см. М. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 308—321; см. также А. И. Завелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане, Ташкент, 1959, стр. 432—434, и др.

³² «Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.)», Ташкент, 1958, стр. 67.

не имели никакого отношения к джадидизму. Однако после революции по различным мотивам эти люди подпали под влияние буржуазных националистов, допустили ошибки и с течением времени встали на правильный путь.

Несмотря на активные действия тайной организации, ее подрывная деятельность была обречена на провал. Это объясняется тем, что основная масса местных трудящихся все больше и больше втягивалась в сознательную политическую жизнь. Рост авторитета и влияния Коммунистической партии среди трудящихся, привлечение их к партийной, советской, профессиональной и культурной работе, помощь в восстановлении и развитии экономики и культуры, все более и более спланивали народы Средней Азии вокруг Советской власти. В противовес части местной интеллигенции, которая прошла своеобразный этап националистических заблуждений, другая ее часть, прошедшая этап просветительства в колониальный период, с первых же дней прочно встала на позиции Советов и сплотилась вокруг большевистской партии. Именно на их отрицательное отношение к лозунгам пантюркистов и панисламистов так часто жаловались члены общества «Чигатай гурунги». В своих стихах и рассказах они обвиняли народ в безразличии к судьбам «тюркской нации» — «нации ислама» и т. д.

Вот как представляется нам социальная природа, история зарождения и развития джадидизма по тем материалам, которые оказались для нас доступными. Факты говорят о том, что нет никакого основания пересматривать оценку джадидизма как антинародного буржуазно-националистического идейно-политического течения, ибо он в условиях Средней Азии на всем протяжении своего существования не отражал историческую тенденцию развития и прогрессивных стремлений народных масс.

В связи с вопросом о джадидизме возникает необходимость более тщательного исследования деятельности и творчества прогрессивных представителей культуры — учителей, писателей и поэтов колониального периода, которых в прошлом также называли джадидами. Их деятельность отражала интересы трудящихся, а сами они являлись по существу демократами-просветителями, хотя, возможно, называли себя джадидами. В обстановке господства культа личности одно только название таких лиц джадидами служило основанием для причисления их к врагам народа. Ныне открыта широкая возможность объективной и полной научной оценки культурного наследия отдельных народов и творчества их культурных, научных и политических деятелей. При этом строгий партийный подход к общественным явлениям и решительный отказ от односторонней оценки творчества таких деятелей должны быть непреложным законом.